airiti

О предсимволизме как явлении русской литературы 1880-х годов

А.В. Волегов

Государственный Университет Чженчжи, Тайвань (國立政治大學)

Abstract

The paper aims to investigate the significance of analyzing the period of 1880-ies in Russian literature as a transitional. The appeal of such different authors as V. M. Garshin and F.K. Sologub to the genre of a short story reveals some basic features of this transition.

Key words: Presymbolism, Symbolism, Silver Age of Russian literature, short story.

Аннотация

Статья посвящена актуальности исследований переходного периода 1880-х годов в русской литературе на примере творчества разных писателей. В частности, обращение В.М. Гаршина и Ф.К. Сологуба к новеллистическому творчеству позволяет увидеть некоторые особенности процесса смены приоритетов художественного мышления.

Ключевые слова: предсимволизм, символизм, Серебряный век русской литературы, рассказ.

本篇稿件於 2013 年 07 月 18 日通過刊登

airiti

В современной славистике наблюдается закономерный интерес к русской культуре последних десятилетий XIX в. и рубежа веков. Значение этого периода открывается при рассмотрении его не только как локального социально-детерминированного явления, но при осознании его частицей мирового культурного процесса, имеющего свои имманентные закономерности. Эти особенности можно проследить более подробно, если обратить внимание на период, непосредственно предшествовавший Серебряному веку и генетически с ним связанный, – 1880-е годы.

Предощущение грядущих катаклизмов характеризует художественную жизнь эпохи. В литературе и искусстве возрастает интерес к метафизическому самосознанию и самовыражению конфликтного, часто «травматического» сознания человека.

Перед художниками стояла задача не только воплощения этой проблематики, но и поиска новых, адекватных ее сложности выразительных средств. Описывая эпоху 1880-х годов в русской литературе, исследователи выделяют предсимволизм как явление, в рамках которого были накоплены отдельные элементы эстетического новаторства.

Предсимволизм как переходное явление

При том, что периоды развития художественной культуры, в частности, литературы, можно считать в достаточной степерни описанными, периоды, которым свойственны намечающиеся новые особенности художественного мышления и новые способы его выражения, нуждаются в более подробном исследовании. Из разных переходных периодов, существовавших в истории литературы, как мы уже отметили, наибольший наш интерес вызывает период, который приблизительно соотносится с восьмидесятыми годами XIX века и *предшествует* тому, что называют fin de sciécle. Он характеризуется разнообразием тенденций, одной из которых является *предсимволизм.*

З. Г. Минц ввела очень значимое, на наш взгляд, понятие «пре(д)системы»[1], имеющее важное методологическое значение для описания переходных явлений между зрелыми диахронными художественными системами.

[1] См.: Минц З. Г. «Новые романтики» (К проблеме русского пресимволизма) // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. – Рига, 1988. – С. 144–158; З. Г. Минц использует термины «пресистема», «пресимволизм», хотя указывает на термин пре-д-символизм как на возможный

airiti

Особенности творческого мышления художника переходной эпохи (и, соответственно, его произведений) еще не предполагают устойчивости, завершенности, законченности, стабильности элементов поэтики. В творчестве разных художников одной эпохи появляются новые элементы образно-смысловой структуры произведений. Эти изменения накапливаются и лишь в последующую эпоху приобретают свойства системы.

А. Ханзен-Леве, развивая идеи З. Г. Минц, пишет: «Среди таких признаков следует назвать сравнительную неструктурированность (по сравнению с последующими системами CI (ранний символизм, “диаволический”, по терминологии австрийского слависта; явление, которое другие исследователи традиционно соотносят с “декадансом” и “старшими символистами” в русской литературе) и CII (то, что обычно соотносят с “младосимволизмом”)), отсутствие метатекстов (то есть манифестов и других форм автометаописания)»[2].

Обычно период русской литературы 1880-х годов рассматривался как кризисный и внимание уделялось прежде всего реалистическим традициям. «В нашей критической литературе часто и много говорили о том, что русский реализм в 80–90-х годах прошлого столетия переживал серьезный кризис, что он мельчал в произведениях второстепенных писателей-эпигонов и в то же время подвергался нападкам со стороны новых, декадентских течений, отрицавших самый принцип реалистического творчества»[3].

Серебряный век, период русской культуры, характеризующийся сосуществованием в искусстве реалистических и модернистских типов художественного мышления, когда «тенденция к синтезу классических и модернистских систем приобрела достаточно отчетливые контуры очертания»[4], в

вариант. А. Ханзен-Леве, развивая ее идеи, удачно, на наш взгляд, модифицирует этот термин. Префикс пре-, применяемый Минц, закономерен в зарубежном литературоведении, ориентированном на латинскую традицию терминообразования (Prerenessance, Preromanticism), однако за последние десятилетия в русском литературоведении утвердилась традиция таких терминов, как «предвозрождение», «предромантизм» (например, в работах Ю. Б. Борева, В. В. Иванова). Кроме того, в русском языке возможны нежелательные ассоциации с исконно русским префиксом «пре-», несущим значение «высшая степень чего-либо». Встречается также термин «протосимволизм» (К. де Магд-Соэп).

[2] Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. – СПб.: Академ. проект, 1999. С. 35.

[3] Бялый Г. А. В. М. Гаршин. – Л. : Просвещение, 1969. С. 116–117.

[4] Лейдерман Н. Л. Траектории экспериментирующей эпохи// Русская литература XX века:

airiti

современной науке традиционно рассматривается как единое целое, хотя и отличающееся сложной взаимосвязью элементов. Среди последних следует назвать не только разные литературные направления (в первую очередь), но и все явления культурной жизни этого периода (включая различные виды искусства, философию, религиозные и общественно-политические течения). Отмечается, что культурной жизни эпохи были свойственны необычайная интенсивность и напряжение творческих сил. Обычно начало Серебряного века датируют 1890-ми годами, а окончание связывают с октябрьским переворотом 1917 года и установлением советской власти.

В последние десятилетия культурологический подход с его комплексным характером описания зарекомендовал себя как очень плодотворный применительно к исследованию литературных процессов финальных десятилетий XIX века, рубежа веков и начала XX века. Появилось большое количество работ, посвященных проблемам модернизма как одной из составляющих этого культурно-исторического феномена. За рубежом изучение проблематики, так или иначе связанной с русским модернизмом, началось гораздо раньше. В СССР и России инициаторами соответствующих исследований можно считать представителей тартуско-московской школы (в первую очередь З. Г. Минц и ее учеников). Разумеется, из-за идеологических препон и господства концепции «ведущего принципа социалистического реализма» работы по этим темам в СССР неизбежно приобретали неполный и компромиссный характер. В России рост их числа по понятным причинам приходится на постперестроечные времена. Нужно сказать, что первоначально исследовательские интересы касались прежде всего публикаций произведений, архивных, биографических, эпистолярных материалов, исследования поэтики (от структуры отдельного произведения до стиля тех или иных авторов). Позднее появляются обобщающие теоретические работы.

Наиболее репрезентативными с точки зрения истории изучения вопроса нам представляются исследования Г. Дончин, З. Г. Минц, А. Пайман, И.П. Смирнова, А. Ханзена-Леве, А. Флакера, Р.Д. Тименчика, Вяч. Вс. Иванова, В. И. Тюпы, С. Н. Бройтмана, Л. А. Колобаевой, Е. В. Тарышкиной, И. Е. Васильева и др. Значительная их часть посвящена авангарду, что связано с традиционным интересом ученых (особенно

Закономерности исторического развития. Кн. 1. Новые художественные стратегии. – Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2005. С. 39.

airiti

зарубежных) к этому художественному явлению, чуть меньшая – младшему символизму, и совсем небольшое количество работ концептуального плана – старшему символизму.

Применительно к изучению этих зрелых художественных систем были продемонстрированы различные подходы, предусматривающие, в том числе, рассмотрение элементов художественности в их системном взаимодействии, – философский анализ идейного содержания в его взаимосвязи с поэтикой, анализ парадигматических особенностей поэтики (структурно-смысловой, тематический, мотивный и др.), семиотический подход в единстве семантики и прагматики, анализ отдельных аспектов прагматики, а также дискурсный анализ.

Период русской литературы 1880-х годов исследован в наименьшей степени, при этом почти нет работ, выделяющих предсимволизм как отдельное явление литературного процесса.

Важные наблюдения и попытки обобщения, тем не менее, сделаны в монографиях А. Пайман, А. Ханзена-Леве, Л. П. Щенниковой, статьях З. Г. Минц и Р. Д. Весслинга. Названная проблема затрагивается в диссертационных исследованиях Ю. А. Сотниковой (2006), В. В. Башкеевой (1985), М. Г. Абашиной (1992).

Как отмечала З. Г. Минц, одним из важнейших свойств произведений, которые образуют явление предсистемы, является то, что они «одновременно ... принадлежат различным системам»[5]. В литературе 1880-х можно найти многочисленные подтверждения этому: не только в поэзии «гражданской скорби» и в прозе И. И. Ясинского и В. И. Бибикова, что уже нашло отражение в литературоведении, но и в произведениях многих других русских писателей, которых с «новым искусством» обычно никак не соотносят. Ярким примером тому может служить, например, творчество реалиста В. Г. Короленко: наряду с традиционной тематикой и приемами реалистической типизации в его повестях наблюдаются новаторские приемы воссоздания внутреннего мира героя, близкие «экспериментальному роману»: широкий фактографический отбор материала, детальность и изощренность описаний мира чувств и ощущений. Во многом именно это, на наш взгляд, восхитило символиста П. Верлена, который назвал повесть Короленко «Слепой музыкант», переведенную на французский язык, «образцом искусства будущего».

[5] Минц З. Г. «Новые романтики» (К проблеме русского пресимволизма). С. 144–145.

airiti

А. Ханзен-Леве к свойствам, определяющим явление предсимволизма в русской литературе, относит сравнительную неструктурированность (по сравнению с символизмом 1890-х и 1900-х годов), отсутствие метатекстов (то есть манифестов и других форм автометаописания) системы.

Подчеркивая концепцию предсимволизма как предсистемы, Ханзен-Леве проводит и убедительные параллели в истории искусства [6]. При этом исследователь отделяет предсимволизм от раннего символизма; последний он обозначает как CI («диаволический»).

Существует традиция относить к предсимволизму «школу Фета», «философскую поэзию» и «поэзию гражданской скорби» 1880-х годов, а также неоромантизм («новые романтики»), не выявляя внутренней связи этих течений.

Ханзен-Леве причисляет к предсимволизму стихи и поэмы Вл. Соловьева 1870–80-х годов, раннее творчество Д. Мережковского, Н. Минского (киевского периода), К. Фофанова, К. Случевского, С. Надсона и С. Андреевского. Говоря о К. Льдове и Д. Цертелеве, австрийский ученый делает очень важное замечание по поводу одного из отличительных качеств отражения и осмысления реальности в «новым искусстве»; он обозначает это как «девальвация внешнего мира»[7].

Как видим, литературоведы, касающиеся этого вопроса, репрезентируют русский предсимволизм скорее как список имен авторов, нежели как закономерное явление литературного процесса.

Привлекает внимание преобладание в указанных обзорах имен лирических поэтов. Вместе с тем закономерно искать аналогичные явления и в прозе. Исследователи обращаются к практически забытым ее образцам – например, к романам и рассказам И.И.Ясинского, В. И. Бибикова.

Стоит заметить, что описание предсимволизма обойдено стороной не только историками литературы, но и самими символистами. Это в особенности относится к неоромантической ветви предсимволизма. В этой связи В. В. Башкеева замечает:

---

[6] Автор проводит параллели между маньеризмом XVI в. и начальным этапом символизма: «Явно недостаточно проанализирована художественная и культурно-типологическая связь между модернизмом (или символизмом) и маньеристической традицией: общую картину дает классическая работа (И. П. Смирнова), в которой разрабатываются лишь тематические и художественно-философские аналогии между модернизмом (прежде всего французским) и маньеризмом» (Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. С. 33–34).

[7] Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. С. 27, 35.

airiti

«Возникает, однако, вопрос, почему же Ясинский и Бибиков, имевшие, казалось бы, все основания считаться предшественниками символизма, самими символистами не признавались?». Главной причиной автор считает не столько отталкивание от идеологии и эстетики предшественников (что нам представляется определяющим), сколько личностные качества, такие, например, как сомнительная литературная репутация Ясинского[8].

Отметим также очень важную мысль, выраженную в работах Л. Пильд, а отчасти и в процитированной выше статье ее учителя, З. Г. Минц. Л. Пильд видит конец эпохи предсимволизма в «решительном размежевании» символистов и эстетов 1880–90-х гг. (К. Случевский, И. Ясинский, В. Бибиков, С. Андреевский)[9]. Если эстетизм был бегством, то для декадентов и символистов 1890-х культ красоты – это принцип жизне*строительства* по законам иного, «благостного» мира (Ф.К. Сологуб).

Наиболее широкое понимание предсимволизма представлено в небольшой статье В. В. Иванова. Исследователь замечает, что идейно-художественные импульсы, подготовившие модернистские эстетические принципы, прослеживаются в русской литературе значительно раньше 1880-х годов. Так, Иванов включает в орбиту предсимволизма даже Ф. М. Достоевского[10].

Указанный ряд писательских имен говорит о том, что хотя к рассматриваемому явлению обычно обращаются в связи с иной тематикой, тенденция поиска учеными элементов «нового искусства» в предшествующий символизму период литературы все-таки присутствует. В литературоведении накоплен (хотя и разрозненный) материал описания литературной практики 1880-х годов, поэтому назревает интерес к возможности проследить в явлениях «предсистемы» возникающую новую системность, стремление к эстетическому единству со своей логикой эволюционирования. Таким образом, возникает объективная необходимость рассмотрения более ранних явлений в контексте предсимволизма, расширения хронологических рамок изучения «нового искусства». В

[8] Башкеева В. В. Творчество И. И. Ясинского в литературном процессе 80-х годов XIX века : дис. ... канд. филол. наук – М., 1984. С. 16.

[9] Пильд Л. Творчество Тургенева в оценке Валерия Брюсова. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.utoronto.ca/tsq/18/pild18.shtml

[10] Иванов В. В. О взаимоотношении символизма, предсимволизма и постсимволизма в русской литературе и культуре конца XIX – начала XX века // Избр. тр. по семиотике и истории культуры. – М., 2000. – Т. 2. С. 120.

airiti

литературной практике русских писателей накапливались «предсистемные» элементы художественного мышления, которые, на взгляд современного читателя и исследователя, кажутся не сочетающимися друг с другом (натуралистичность деталей и интерес к потустороннему). Но из множества тенденций художественного мышления, и, соответственно, зарождающихся новых форм выражения постепенно формируются элементы новой художественной системы (модернистской).

Без учета тесной генетической взаимосвязи 1880-х и 1890-х не так ясно прослеживается и значение всей нарождающейся социокультурной ситуации в России (да и не только России) рубежа веков как особого исторического феномена. Это было началом исключительно важной фазы культурного развития не только в национальном, но и в мировом масштабе; формировались идейно-художественные элементы творчества, которые предваряли «культурный взрыв». В литературной практике поэтов и прозаиков 1880-х (и на уровне приемов создания отдельных образов и деталей, и на идейно-смысловом уровне произведений) прослеживаются явления, выпадающие из реалистической и романтической систем и признаваемые, безусловно, художественным новаторством.

Изучению данных особенностей русской литературы 1880-х годов посвящены докторские диссертации и статьи Б. В. Кондакова (1997), Е. А. Акелькиной (1998), С.В. Сапожкова (1999), Л. П. Щенниковой (1998).

Социологизированный и имманентный подходы

Традиционный взгляд на рассматриваемую эпоху литературы, существовавший до недавнего времени, был связан с определяющим влиянием общественно-политической реакции. Обычно о периоде 1880-х говорят как о времени культурной стагнации, предшествующей Серебряному веку, который, в свою очередь, явил собой небывалый культурный подъем, напряжение творческих сил, наступившее в России после народнического периода, характеризующегося позитивизмом и утилитарным подходом к жизни и искусству. Таким образом, считается, что кризис народничества в 1880-е гг. сопровождался общим нарождающимся настроением упадка, стагнацией, а в 1890-е началось преодоление кризиса.

airiti

Такая точка зрения связана с указанными выше традициями социологизма советской литературоведческой науки, не уделявшей должного внимания имманентным закономерностям.

Но если применительно к политической ситуации в России употребление термина «стагнация» вполне уместно, то, по словам Л. П. Щенниковой, «по отношению к философии, истории, искусству это не так. В исследованиях, вышедших в последние десятилетия, утверждается другая мысль: 80-е – это эпоха критическая, но не статическая. Ее динамика проявляется прежде всего в бурном развитии культуры»[11]. Кроме того, это характерно не только для России. Следует отметить, что сходные явления наблюдались и в художественной жизни других стран Европы и Америки. Поэтому мы считаем необходимым подчеркнуть, что ощущение приближающегося «конца века» связано с имманентными закономерностями эстетического развития Европы, Америки и России. В этот период русская литература при всех своих особенностях (например, спор западников и славянофилов) была как никогда близка европейской и переживала те же внутрилитературные процессы. Канун близящегося конца века воспринимался современниками как некий итог исчерпавшей себя цивилизации.

Таким образом, рассмотрение явлений в более широком культурологическом контексте делает очевидным тезис Н. А. Бердяева о том, что «происходило, несомненно, и художественная культура отразила это, нарождение нового типа человека, более обращенного к внутренней жизни, выразила общее ощущение перелома, переходности новой эпохи, которое царило среди наиболее чутких представителей русской интеллигенции»[12]. Становится очевидным, что и при описании художественной культуры эпохи в противовес общественно-политическим необходимо видеть имманентные закономерности ее развития; «на фоне общемирового культурного взрыва… надо искать какие-то иные, глобальные по своему масштабу, общецивилизационные экстрафакторы»[13].

---

[11] Щенникова Л. П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 7.

[12] Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути»)» // Путь. [Париж]. № 49, окт.-дек. 1935. С. 5. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn084.htm

[13] Лейдерман Н. Л. Траектории экспериментирующей эпохи. С. 25.

airiti

Меняется доминанта отношения человека к действительности: от гармонического приятия до травматического и конфликтного ви́дения. Причем действительность предстает не только в социальном, но и в экзистенциальном и бытийном аспекте. И это следует подчеркнуть особо.

В этой связи нам представляются очень важными идеи современного американского слависта Р. Д. Весслинга, отмечающего, что в специфическом культурном контексте 1880-х годов у интеллигенции формировалось представление об истории русской литературы как мартирологе, что было подготовлено традицией восприятия смерти Пушкина – Некрасова – Надсона как жертвенной. Происходит «мифологизация (иррациональная вера) страдания и самопожертвования». Поэтому «смерть Пушкина и Надсона – события одного (символического) ряда. Рассказ о гибели поэта призван пробудить у интеллигенции коллективное чувство мученичества»[14].

Автор отмечает, что «история коллективного травматического опыта, вызванного смертью Надсона, представляет важный момент в переходе от реализма к модернизму в русской культуре. Прежней, реалистической эпохе здесь принадлежал сюжет об идеологическом противостоянии и символическом убийстве, новой, модернистской – эстетизация и поэтизация болезни и смерти»[15].

«Травматизм сознания» предстает в работе ученого не только как кризис позитивистских идей, но и как основа нового, модернистского типа художественного мышления.

Двойной кризис

Говоря об идейной кризисности эпохи как главной имманентной причине идейно-художественного перелома, необходимо, на наш взгляд, подчеркнуть, что речь идет по крайней мере о двух «волнах» такого идейного кризиса, обусловленного осмыслением социально-идеологических и онтологических антагонизмов. Рассмотрим их подробнее.

1. Причиной разочарования в общественной борьбе, в общественных переменах была не только политическая реакция и кризис

[14] Весслинг Р. Смерть Надсона как гибель Пушкина: образцовая травма, медийная смерть и поэт «больного поколения». Теория литературы // Травма: пункты. – М. : НЛО, 2009. С. 472.
[15] Там же. С. 515.

airiti

народничества; это явление необходимо рассмотреть шире – как кризис идеи общественного служения, поскольку было утрачено доверие и к народничеству как авторитетной идеологии, и к «либеральной политике» правительства, и к тактике демократического либерализма, в целом к социально-политической деятельности как средству переустройства общества и человека.

Разочарование в ценностях общественного прогресса явилось реакцией на увлечение идеей общественного служения и ее опошление. Потеря интереса к граждански «ангажированному» искусству была вызвана тем, что в политизированном мире позитивизма XIX века оно превратилось в осознанную социальную задачу, политическое призвание, кредо скорее публициста, чем художника. « Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» – именно это утверждал некрасовский девиз. Об этом писал Н. А. Бердяев: «Во вторую половину XIX века в России формировался душевный тип интеллигенции, в котором вся религиозная энергия, присущая русскому народу, была направлена на социальность (“Социальность, социальность или смерть”, – восклицал Белинский) и на дело революции. В этом была своя большая правда. Но не признавалось прав духовного, духовность была целиком растворена в социальной борьбе»[16].

В противовес этим ставшим тривиальными идеям новое поколение деятелей искусства проявляет всё больший интерес к внутренним проблемам противоречивой человеческой личности. «Была объявлена борьба за права духа и внутренней жизни, за духовное творчество, за независимость духовного от социального утилитаризма. Это вместе с тем была борьба за личность, за полноту творческой жизни личности, подавленную социальностью. Личность как свободный дух была противопоставлена обществу и его притязаниям определять всю жизнь личности. Судьба личности была противопоставлена теории прогресса. Философски это означало, что ценности культуры, духовные, религиозные, познавательные, эстетические, этические, были противопоставлены исключительному верховенству социального блага и пользы. Религиозно это означало, что ценность человеческой души, что личность и личная судьба были поставлены выше царств этого мира»[17].

[16] Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути»)». С. 5.
[17] Там же. С. 5–6.

airiti

Этот наиболее заметный аспект кризиса революционно-демократических установок и ценностей необходимо рассматривать в широком идейном контексте. Революционно-демократический комплекс идей опирался на позитивистское утверждение культа разума и научного познания с целью переустройства мира. Утилитаризм был основополагающим этическим и эстетическим принципом с точки зрения Чернышевского, Добролюбова и Писарева («Сапоги выше Шекспира»). Подчеркнем: то, что позитивистские взгляды во многом оказались несостоятельными, изжили себя, произошло не по политико-экономическим причинам (и политическая реакция это только подтвердила).

«…В части русской интеллигенции, наиболее культурной и одаренной, – продолжает Бердяев, – происходил духовный кризис, происходил переход к иному типу культуры, более, может быть, близкому к первой половине века, чем ко второй. Этот духовный кризис был связан с разложением целостности революционного интеллигентского миросозерцания, ориентированного исключительно социально, он был разрывом с русским “просветительством”, с позитивизмом в широком смысле слова, был провозглашением прав на “потустороннее”»[18].

Научная картина мира, хотя и может составлять значительную часть мировоззрения, никогда не является его адекватной заменой, так как в своем индивидуальном бытии человек нуждается, с одной стороны, в глубоких и сложных эмоциях и, соответственно, в художественном или чисто бытовом восприятии окружающей действительности, а с другой – в представлениях о том, что находится за пределами достоверно известного или на границе неизвестности, которую предстоит преодолеть человеку в тот или иной момент в процессе познания. Следует отметить, что это был общеевропейский процесс, связанный с «заключительным этапом» критики просветительского либерализма, провозглашавшего способность разума переустроить мир на разумных началах. Становится очевидным, что в культурно-историческом процессе, кроме сил рациональных, проявляются и силы иррациональные. Об этом говорили самые разные деятели культуры. Например, Достоевский видел в позитивистском рационализме проявление кризиса антропоцентризма всей цивилизации. Вл. Соловьев в своей диссертации «Кризис западной философии. (Против позитивистов)» также усматривал причины несостоятельности позитивистской

[18] Там же. С. 6.

airiti

идеологии в уповании лишь на человеческий разум. А. И. Герцен в статье «С того берега» утверждал, что «логика чистого разума» не совпадает с реальным ходом истории». «То было, – по словам Бердяева, – освобождением человеческой души от гнета социальности, освобождением творческих сил от гнета утилитарности»[19].

Тотальный характер кризиса просветительской идеологии обусловил поворот от исследования социальных закономерностей к осмыслению человеческой личности в экзистенциальном и онтологическом контексте, от социально-политических программ к этике и проблемам религиозного сознания. Но это и открыло новые художественные возможности. Таким образом, появление «нового искусства» было закономерностью литературного процесса как части единого процесса развития культуры и в целом определялось реакцией на позитивистское мышление.

2. Говоря о сложном характере кризиса эпохи, вновь подчеркнем, что *другим* импульсом к идейно-художественным поискам стал еще один, и более ранний мировоззренческий кризис: онтологический, связанный с кризисом христианства. По словам Щенниковой, «это было отмечено у Достоевского и Толстого, искавших новые пути богообщения, и Ф. Ницше, возвестившего о “сумерках Богов”. В России ситуация “безверия” возникла не внезапно. Сильная волна “безбожия” накрыла русский мир еще в 1860-е годы, когда, по словам С. М. Степняка-Кравчинского, атеизм превратился в своего рода “новую религию”. Тогда он составлял частицу революционно-демократического мировоззрения, включавшего в себя веру в силу свободной мысли и науки, в реализацию социальных программ революционеров и народников. В 1880-е годы знаменательным становится усиление безверия, “падение всех святынь” – от святыни Алтаря до “святыни” террора, от веры в мужика, в народ, до веры в Героя»[20].

Но этот двойной характер кризиса позволяет увидеть очень важную закономерность, которая проявится чуть позднее, уже в зрелом символизме: кризис христианства приводит *вначале* к закономерности периода «диаволизма» (как обозначил его Ханзен-Леве), но при этом продолжающийся кризис позитивизма неизменно проявляется в *последующем* богоискательстве

[19] Бердяев Н. А. О русских классиках. – М.: Высш. шк., 1993. С. 148.
[20] Щенникова Л. П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен. С. 8–9.

airiti

представителей как старшего, так и младшего символизма. Зарождение этих тенденций также, на наш взгляд, закономерно искать в предсимволизме.

Поиск адекватных художественных средств

Одним из основных показателей процесса художественной эволюции в интересующую нас критическую эпоху был поиск новых, адекватных средств изображения внутреннего мира человека. Стремление раскрыть усложняющийся внутренний мир героя – важнейшая тенденция литературного процесса, отражение закономерностей развития культуры.

Названные положения позволяют предварительно определить свойства предсимволизма как предсистемы. К ним относятся элементы идейного содержания и особенности художественных средств, обнаруживающиеся в ходе смыслового анализа конкретных произведений.

1. Общечеловеческий, бытийный и трансцендентный характер тематики. Обращение к соответствующим темам и проблематике во многом идет вразрез с традициями реалистической типизации. При этом следует выделить комплекс идей, связанных с эстетизацией, освоением тем хаоса, смерти, зла («эстетизация Хаоса и Танатоса» (Лейдерман)), как и других неразрешимых для человека вечных проблем). Но предсимволизм лишь начинает этот процесс художественного освоения.

2. «Девальвация внешнего мира» (Ханзен-Леве). Это и понимание внутреннего мира человека как целой Вселенной, и ощущение эмпирически постигаемого мира (не только его социальное, но и все бытийное) как настолько несовершенного и неблагополучного, что он не может быть единственным критерием оценки изображаемого.

3. Мотивы, табуированные в традиционных реалистических произведениях. Фактография изображаемых явлений значительно расширяется, что приводит, в частности, к эстетическому освоению проблемы двойственности зла.

4. Наличие обобщенных образов с элементами символа, для которых характерны:

а) многозначность;

б) двучленность;

в) трансцендентность;

г) мифотворческая функция;

airiti

д) интертекстуальный характер.

5. Использование натуралистических деталей, являющееся реализацией принципа широкого фактографического отбора материала. Эти скрыто-значимые, демонстрирующие максимальную объективность писателя элементы выполняют разную роль: чаще всего, находясь на периферии смысловой структуры произведения, они обеспечивают поддержку заявленных тем. На наш взгляд, это является отражением тенденции эстетизации обостренных ощущений героя.

6. Фрагментарность, разорванность сознания героев и, соответственно, фрагментарность изображения: пропуск темпорально или логически значимых элементов текста. Появление этого элемента эстетики и поэтики характерно именно для эпохи предсимволизма и раннего символизма[21]. Интересно, что В. В. Башкеева отмечает его применение уже в более ранней, натуралистической традиции[22].

Интересно проследить *динамику* трансформации предсимволизма как предсистемы (З.Г. Минц) в символизм как манифестированную художественную систему. Актуальностью исследования этой динамики и продиктовано наше обращение к творчеству двух писателей: В.М. Гаршина (1855-1888) и Ф.К. Сологуба (1863-1927).

К сожалению, в рамках статьи невозможно рассмотреть достаточно подробно даже основные особенности переходного характера творчества двух писателей. Гаршин и Сологуб – очень своеобразные и сложные художники, близкие, однако, по тематике и проблематике своих произведений. Помимо особенностей, определяющих сходство творческих индивидуальностей, их роднит обращение к одним и тем же жанрам: рассказу, сказке, легенде и притче. При этом периоды творческой активности обоих писателей охватывают интересующий нас период 1880-х годов. Произведения Гаршина показательны с точки зрения понимания явления предсимволизма как предсмстемы, несущей отмеченные выше характерные особенности. Творчество Сологуба продолжалось и в значительно более поздний период – первые десятилетия XX века. В художественной практике писателя составляющие предсимволизма развились в законченную

[21] Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. С. 27.
[22] Башкеева В. В. Творчество И. И. Ясинского в литературном процессе 80-х годов XIX века : дис. ... канд. филол. наук. С. 125.

airiti

систему символизма[23].

Сопоставительное рассмотрение творчества писателей позволяет проследить некоторые особенности становления художественного мышения нового типа, модернистского. Рассмотрение элементов идейно-эстетического новаторства в творчестве Гаршина и Сологуба позволяет увидеть, что процессы, происходившие в русской литературе последней трети XIX – начала XX века, отразили тенденции мирового культурного процесса.

Глобальные тенденции, в свою очередь, позволяют увидеть в новом свете и закономерности самого Серебряного века русской культуры, отразившего скрытые прежде особенности национального самосознания.

Литература

1. Башкеева В. В. Творчество И. И. Ясинского в литературном процессе 80-х годов XIX века : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 202 с.
2. Бердяев Н. А. О русских классиках. – М. : Высш. шк., 1993. – 368 с.
3. Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути»)» // Путь. [Париж]. – 1935. – № 49, октябрь–декабрь. С. 5. – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn084.htm
4. Бялый Г. А. В. М. Гаршин. – Л. : Просвещение, 1969. – 128 с.
5. Весслинг Р. Смерть Надсона как гибель Пушкина: образцовая травма, медийная смерть и поэт «больного поколения» // Травма: пункты. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 471–516.
6. Иванов В. В. О взаимоотношении символизма, предсимволизма и постсимволизма в русской литературе и культуре конца XIX – начала XX века // Избр. тр. по семиотике и истории культуры. – М., 2000. – Т. 2. – С. 120–122.
7. Лейдерман Н. Л. Траектории экспериментирующей эпохи // Русская литература XX века : Закономерности исторического развития. Кн. 1. Новые художественные стратегии. – Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2005. – С. 18–49.

[23] См.: Волегов А.В. Тенденции литературного процесса в творчестве В.М. Гаршина и Ф.К. Сологуба. – Тайбэй: Изд-во NCCU, 2013.

airiti

8. Минц З. Г. «Новые романтики» (К проблеме русского пресимволизма) // Тыняновский сборник : Третьи Тыняновские чтения. – Рига, 1988. – С. 144–158.
9. Пильд Л. Тургенев в восприятии русских символистов (1890-1900-е гг.). – Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 1999. – 136 с.
10. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифо-поэтический символизм начала века. Космическая символика. – СПб. : Академ. проект, 2003. – 816 с.
11. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. – СПб. : Академ. проект, 1999. – 512 с.
12. Щенникова Л. П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 456 с.